

ЦЕНТРАРХИВ

ВОССТАНИЕ

ДЕКАБРИСТОВ

МАТЕРИАЛЫ

ТОМ I

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

1 9 2 5

ЦЕНТРАРХИВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ
ВОССТАНИЯ ДЕКАБРИСТОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
И С ПРЕДИСЛОВИЕМ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

МСМХХV

ЦЕНТРАРХИВ

ДЕЛА

ВЕРХОВНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И
СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ, КАСАЮЩИЕСЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

ТОМ I

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. А. ПОКРОВСКОГО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЛА О ПРЕСТУПНИКАХ,
ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К СЕВЕРНОМУ
ТАЙНОМУ ОБЩЕСТВУ.

- № 333.— Князь Трубецкой, полковник л. - гв. Преображенского полка, Дежурный Штаб-офицер 4-го пехотного корпуса.
- № 334.— Рылеев, отставной подпоручик.
- № 335.— Князь Евгений Оболенский, поручик л. - гв. Финляндского полка.
- № 336.— Муравьев Никита, Гвардейского Генерального Штаба капитан.
- № 337.— Каховский, отставной поручик.
- № 338.— Князь Щепин - Ростовский, л. - гв. Московского полка, штабс-капитан.
- № 339.— Бестужев Александр, л. - гв. драгунского полка, штабс-капитан.
- № 340.— Бестужев Михаил, л. - гв. Московского полка, штабс-капитан.

МЫ ВИДИМ ЯСНО ТРИ ПОКОЛЕНИЯ, ТРИ
КЛАССА, ДЕЙСТВОВАВШИЕ В РУССКОЙ РЕВО-
ЛЮЦИИ. СНАЧАЛА—ДВОРЯНЕ И ПОМЕЩИКИ,
ДЕКАБРИСТЫ И ГЕРЦЕН. УЗОК КРУГ ЭТИХ
РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ. СТРАШНО ДАЛЕКИ ОНИ
ОТ НАРОДА. НО ИХ ДЕЛО НЕ ПРОПАЛО,
ДЕКАБРИСТЫ РАЗБУДИЛИ ГЕРЦЕНА. ГЕРЦЕН
РАЗВЕРНУЛ РЕВОЛЮЦИОННУЮ АГИТАЦИЮ.

Н. ЛЕНИН. Собрание сочинений, т. XII, ч. I
„ПАМЯТИ ГЕРЦЕНА“, стр. 100.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Издавая подлинное „Дело“ декабристов, Центрархив идет навстречу прежде всего потребностям университетского преподавания. Семинарий повышенного типа для студентов старших триместров и начинающих „научных сотрудников“ может работать лишь по первоисточникам. Но имеющиеся издания первоисточников русской истории распределены хронологически крайне неравномерно. В то время, как главнейшие документы XVI века давно опубликованы с соблюдением всех требований научного издательства (иногда, правда, не без ошибок, но об'ясняющихся уже небрежностью издававших, а не какими-либо об'ективно неустранимыми обстоятельствами), даже для XVIII века такие издания скудны, а для XIX их почти совсем нет. Причины едва ли нужно об'яснять: царское правительство не имело никаких побуждений поощрять занятия новейшей русской историей, от которой слишком легок был переход к современности. Современность же царской России могла быть предметом благоговейного созерцания, восторженного удивления—чего угодно, только не научного исследования.

Теперешние программы высшей школы именно на современность переносят центр тяжести. Базисом всего курса русской истории должны стать XVIII и, в особенности, XIX века—все предыдущее подлежит изучению более социологическому, нежели историческому в тесном смысле этого слова, входит скорее в курс „истории общественных форм“, нежели в специальный курс местной истории. В сущности, к этой точке зрения начали приближаться уже историки конца буржуазного периода—Милюков недаром в своих „Очерках“ опустил Киевскую и Новгородскую Русь. Любителям постепенной эволюции таким образом не на что жаловаться. Но раз основным курсом русской истории становится история России в XIX веке, необходимо создать условия для массовой научной проработки этого периода.

В архив могут итти одиночки, а архивные подлинники по самой своей индивидуальности не могут стать об'ектом массовой работы: не говоря уже о том, что, если попытаться сделать их таким об'ектом, мы скоро останемся без всяких подлинников.

Надо начать печатать документы XIX века с той же энергией, с какою раньше печатались исключительно документы XVI—XVII. Это издатель-

ство должно идти, конечно, по целому ряду разрезов. Больше всего, как это ни странно с первого взгляда, сделано в области внешней политики: мартенсовское собрание „Трактатов и конвенций“, при всех своих дипломатических умолчаниях, все же является наиболее полным и систематическим собранием русских „исторических памятников“ новейшей эпохи. Юридический материал в тесном смысле этого слова с самого начала имелся в печатном виде: сборников законов XIX века нет надобности издавать, подобно судебнику Федора Ивановича. Нет особенно зияющих пробелов и в области экономических документов, хотя тут издание систематического сборника, несомненно, дело ближайшей очереди,—не говоря о том, что в вотчинных, например, архивах, найдется не мало ценнейшего сырья, вполне заслуживающего быть опубликованным и могущего гораздо глубже ввести нас в секреты крепостного хозяйства и условий его ликвидации, чем это могли сделать официальные издания и специально-экономические журналы своего времени. Еще более интересного могут дать долго бывшие секретными архивы министерства финансов. Словом, тут в области экономики мы имеем в доступном для всех виде только самый грубый скелет истории, ее „остеологию“, так сказать: создание „гистологии“ этого периода еще дело будущего.

Для того, что ранее стыдливо называлось „историей общественных движений“ и что мы теперь точнее называем „историей русской революции“, неготова еще даже и остеология. Менее двадцати лет тому назад в этой области мы были осуждены питаться полуфантастикой мемуаров плюс официальные издания, в этой области представлявшие почти сплошную фальсификацию. Лишь 1905 год дал первую возможность публикации документов; в каком виде, какой публикации—несколько примеров читатели найдут ниже. Притом, работа эта очень быстро оборвалась—и опубликованное относится к неопубликованному, примерно, как 1 к 1000.

Нигде дело научного издательства не является более успешным, чем здесь, в области истории русской революции. Ни о чем так много не пишется в последние годы, и ничего мы не знаем хуже. В частности, возвращаясь к практике высшей школы, здесь поставить научный семинарий дело почти безнадежное. Чтобы дать возможность московским студентам работать над историей революционного движения 60-х годов пришлось лишить этой возможности студентов петроградских. Что же вы поделаете, дело Каракозова имеется только в одном экземпляре и не может находиться одновременно в Питере и Москве. Если какой-нибудь хороший ученый, услышав, что для учебных целей мы передвигаем архивные подлинники из одного города в другой, подскочит от ужаса на месте—мы готовы разделить этот ужас: но не знать Каракозовщины будущему лектору по истории революционных движений нельзя, а давно подготавливающееся издание „дела“ все что-то запаздывает.

Одного этого примера, думается, достаточно, чтобы объяснить всем, ищущим объяснения, почему мы спешим именно в этой области. Почему мы начинаем с декабристов? Внешним поводом является предстоящий через два

года столетний юбилей их выступления— юбилей, который, несомненно, оживит интерес к ним во всех слоях, хотим мы этого, или не хотим. Впрочем, пишущий эти строки не разделяет отвращения некоторых товарищей к этому юбилею и думает, что люди, впервые выступившие в России с лозунгами учредительного собрания, вооруженного восстания, а на своем крайнем левом фланге и демократической республики, заслуживают внимание современного молодого поколения, идущего за знаменем тех, кто в 1905 году начал борьбу под этими именно лозунгами. Мы ушли гораздо дальше, но не нам отказываться от нашего вчерашнего дня. С этой точки зрения начать следовало бы с документов „Общества Соединенных Славян“ и „Южного Общества“ Пестеля. К сожалению, обстоятельства чисто технические, но абсолютно непреодолимые, мешали пока подготовить к печати эту, наиболее для нас ценную, часть документального наследства декабристов. Крайний правый их фланг, „Северное Общество“, оказался счастливее: соответствующая часть „Дела“ была подготовлена к печатанию еще в 1919 году. Тоже технические, но другого рода условия задержали тогда ее издание, и она попала в печатный станок только через три года. Эти три года не были потеряны совсем даром: документы прошли гораздо более тщательную редакцию, устранившую многие промахи несколько наспех подготавливавшегося издания 1919 года.

Выбор частей „дела“, заполняющих выпускаемый теперь том, едва ли нуждается в длинных объяснениях. Рылеев и Трубецкой были центральными фигурами петербургского заговора и для николаевского „Комитета“. Если Трубецкой не увеличил собой списка казненных, то лишь потому, что слишком он много оказал услуг следствию, с одной стороны (весь основной список заговорщиков был составлен по показаниям Трубецкого),— а с другой, явно боялись поставить в заголовок дела о бунте одно из крупнейших имен русской знати. И нужно сказать, только опубликование целиком подлинных показаний вскрывает окончательно этот факт: что Трубецкой был, в сущности, северным Пестелем по занимаемому им в заговоре положению. И он сам в своих первоначальных показаниях, где он старается представить себя чуть не случайно попавшим в число участников по слабости характера и доверчивости к Рылееву, и позднейшие мемуары, брезгливо обходившие измену вождя, и буржуазные историки, отчасти поневоле шедшие по линии мемуаров, точно сговорившись, фиксировали внимание потомства на „густых эполетах“ северного диктатора: а на деле этот гвардейский полковник был чуть ли не более штатский человек, чем Рылеев; он именно потому и провалил заговор, что густые эполеты совсем к нему не шли. Довольно, впрочем, обычная история храброго солдата, становящегося трусливым генералом.

Показания Рылеева, впервые появляющиеся в печати целиком, представляют собою, без сомнения, один из самых трагичных „человеческих документов“, какие знает история. С высшей точки революционного энтузиазма, до которой только поднялась русская интеллигенция 1820-х годов, пасть до показаний 14-го (через несколько часов после расстрела), и 16-го де-

кабря, с их назойливой выдачей Пестеля, с их попытками спасти себя ссылкой на свое положение „отца семейства“—это была моральная смерть, более мучительная, чем конец Трубецкого. Тот и в том отношении походил на Пестеля, что был человеком холодного расчета: только Пестель был человеком расчета революционного, а Трубецкой—расчета либерального. Но „дипломатами“ по-своему были оба—неудача для них была проигранным сражением, а не моральной катастрофой. Их первой мыслью после неудачи было: куда отступить. И даже Пестель, как видно из его позднейших писем к его следователям, готов был отступить довольно глубоко. Рылеев был буквально раздавлен неудачей. Все дальнейшее, после этих „откровенных показаний“, было лишь длительной агонией. Он не рассчитывал, не маневрировал—после первых показаний ему отступить было некуда. Он медленно и мучительно умирал.

Но психологический интерес рылеевских показаний не должен от нас закрывать другой их стороны: в них впервые вскрывается глубочайший антагонизм, существовавший между „Северным“ и „Южным“ обществами. Этот антагонизм настолько остр, что невольно заставляет гадать: что было бы, если бы царизм был свергнут? Не были ли бы современники, на другой же день, свидетелями усобицы между двумя флангами победившей революции? Не оказался ли бы один из этих флангов ближе к низвергнутому царизму, нежели к братьям—соперникам по заговору. Не была бы, в таком случае, реакция неизбежной и очень быстрой? Во всяком случае, сложность „декабризма“, наличие в нем двух флангов не только по вопросу о республике и монархии, как часто изображали прежде, а по всей линии программы и тактики, становится совершенно ясна после чтения северных показаний, начинающихся допросом Рылеева, помеченным 14-го числа.

Каховский дает другой „человеческий документ“, интересный и сам по себе, еще более необходимый, как дополнение к показаниям Рылеева. Чего тот не хотел признать даже в своей покаянной истерике, проект покушения на Николая выдал Каховский: последний предательский удар в спину нанесла, как водится, „дружеская“ рука. Оболенский служит таким же дополнением к Трубецкому, как Каховский к Рылееву. Только тут о выдаче не могло быть и речи, поскольку Трубецкой выдал сам себя так полно, что никто другой ничего не мог прибавить.

Никита Муравьев дополняет эту четверку „практиков“, как теоретик и идеолог движения. К событию 14-го декабря он не имел прямого касательства, и его показания, естественно, носят наиболее „исторический“ характер. С этой стороны они давно и довольно полно использованы историками. Опубликование их в полном и подлинном виде, тем не менее—скорее тем более—является все же необходимым, именно ради их значения, как исторического источника в наиболее прямом смысле этого слова.

Наконец, с А. и М. Бестужевыми и Щепиным-Ростовским мы попадаем уже в серию рядовых декабристов, не „вождей“. Первого мы выбрали как наиболее крупную среди рядовых индивидуальность—как самого видного и

декабристов литератора, после Рылеева. Двое остальных характерны в других отношениях.

Некоторые из печатаемых теперь показаний были опубликованы раньше. Это относится, во-первых, к наиболее исторически-важной части показаний Никиты Муравьева, вошедшей в издание М. В. Довнар-Запольского „Мемуары декабристов“ (Киев, 1906). Затем, из показаний Рылеева самое обширное, данное им 24 апреля ст. ст. 1826 г., вошло в сборник А. К. Бороздина („Из писем и показаний декабристов“ СПб. Издание Пирожкова, 1906).

Несколько сопоставлений покажут, насколько именно существование этих изданий делает необходимым издание подлинного „дела“.

Возьмем сначала Рылеева в издании Бороздина. Вот что заставляет говорить несчастного поэта его издатель 1906 года. Излагая аграрную программу Пестеля, Рылеев, будто бы, утверждал, что Пестель предлагал половину земли разделить между крестьянами „с правом даже и продажи“ (бороздинский сборник, стр. 179). В подлинном деле: „с правом дара и продажи“. У Бороздина Якубович, ни к селу, ни к городу, восклицает: „Господь“ (стр. 182). А в действительности он просто начинает с обращения к своим собеседникам, Рылееву и А. Бестужеву: „Господа“. Якубовичу особенно повезло у Бороздина: дальше он возвращается с Кавказа с „живым черепом“ (там же), вместо „гнилым“, а еще ниже огорашивает читателя крайне странным перечислением „страстей“, которые движут мир,—это „благодарность и смирение“ (там же), вместо „благодарности и мщения“, о которых говорил неистовый кавказец в подлинном показании Рылеева. На стр. 186 читатель не менее удивлен тем, что говорит Рылеев об „устарелости“ а мериканской конституции, в те времена одной из самых свежих, конечно, в подлиннике стоит „английской“. На той же странице графиня Лаваль превращена в графиню Ливен,—а в ответе на вопрос 16-й совсем маленьким изменением одной буквы совершенно изменен смысл фразы. „С известием о слухе, что государь цесаревич отрекается от престола первый приехал ко мне Трубецкой“, показывал Рылеев, „и положено было воспользоваться сим (т.-е. отречением Константина. М. П.) непременно“. Бороздин печатает: „и положено было воспользоваться им (т.-е. цесаревичем. М. П.) непременно“. Как еще на этом никто не построил гипотезы о непосредственном участии Константина в заговоре? На стр. 192 у Бороздина Трубецкой „потребовал, дабы его (Николая) принести в жертву“, а на самом деле Трубецкой „нетребовал“ этого (Рылеев писал глагол с отрицанием слитно). На стр. 193 у Бороздина Рылеев „спрашивал“, а в действительности он „страшился“, и т. д. и т. д.

Совершенно ясно, что иметь такое издание документа гораздо менее выгодно, нежели не иметь никакого вовсе. Но немногим благополучнее обстоит дело и у проф. Довнар-Запольского с Никитою Муравьевым. На первой же странице „Исторического обозрения хода общества“ (стр. 47 сборника) мы встречаем такой перл: „Копия с устава была доставлена в Москву

к Якушкину, в твердом уверении, что он немедленно вступит в бояре, без прекословия устроив Общество. Пестель уехал в Митаву" и т. под. А в оригинале читаем: "...что он немедленно вступит в бояре, без прекословия. Устроив Общество Пестель уехал в Митаву...". Оказывается, что устраивал-то Общество отнюдь не Якушкин, а Пестель. На стр. 51-й предложения Пестеля, сделанные им "северянам" в 1824 году, излагаются так: "На Юге были бояре, у нас их не было. И поэтому он (Пестель) предлагал соединить оба Общества в одно, признать в обоих Обществах одних и тех же начальников. Дела решать большинством голосов бояр" и т. д. А в оригинале стоит: "И потому он предлагал соединить оба Общества в одно, признать боярами главных северных членов, признать в обоих Обществах одних и тех же начальников" и т. д. Чуть ли не суть всего предложения Пестеля у проф. Довнар-Запольского отсутствует.

Мы не думаем винить издателей, — по всей вероятности, они издавали писарские копии, не имея возможности сверить их с оригиналом. Тем менее, однако, можно признать такие издания научными и пригодными для какой-либо цели, кроме самого поверхностного ознакомления с содержанием документа. Текст показаний, в точном смысле слова, издается здесь впервые, с соблюдением всех особенностей оригинала, включая и правописание.

М. ПОКРОВСКИЙ

СЛЕДСТВИЕ НАД ДЕКАБРИСТАМИ.

О декабристах сохранилось в наших архивах большое количество дел и документов различного качества и значения. В одном Госархиве, где в настоящее время сосредоточены главнейшие дела о декабристах, их насчитывается до 500 слишком томов. Много ценного материала находится также в б. библиотеке Зимнего дворца, хранящейся теперь во II Отделении Госархива, в б. Лефортовском архиве, в архивах Ленинграда и т. д. Среди всей массы этих дел, бесспорно, наиболее интересными и ценными являются те документы, относящиеся к 14 декабря, которые в наибольшей своей части написаны самими участниками этого события, и притом непосредственно вслед за ним. Это — так называемые „следственные дела“. Общее количество таких дел достигает 300 номеров. Для уяснения этих документов необходимо в кратких словах по официальным данным того времени познакомиться с тем, как, кем и при каких условиях велось следствие над декабристами и как оно было поставлено.

Уже к вечеру 14 декабря некоторые и притом видные участники движения были один за другим арестованы и доставлены в Зимний дворец для снятия первоначального допроса. В недавно опубликованных „Записках Николая I о 14 декабря 1825 г.“¹⁾, которые, к слову сказать, написаны 5 лет после этого происшествия, — царь, под известным углом зрения, рассказывает, как происходили первые допросы, которые снимал, по его приказанию ген. Левашов. Тотчас после первого допроса под свежим впечатлением только что слышанного Николай направлял краткие записки с приказаниями, собственноручно им написанные ген. Сукину, коменданту Петропавловской крепости о том, куда кого посадить и как с кем обходиться. Записки эти, дошедшие до нас, чрезвычайно колоритны²⁾. Напр., о Рылееве 14 декабря последовало такое „высочайшее распоряжение“: „Присланного Рылеева посадить в Алексеевском рavelине, но не связывая рук, без всякого сообщения с другими, дать ему и бумагу для письма, а что будет писать ко мне собственноручно, мне присылать ежедневно“. Первые допросы, во крайней мере те из них, которые дошли до нас в письменной передаче, носят на себе характер спешности. По большей части, эти первые показания, сделанные декабристами, записывались с их слов, наспех, с большим количеством сокращений, а подчас даже и не вполне грамотно. Другие сами давали о себе собственноручные показания; так, Рылеев, Щепин-Ростовский дали краткие сведения о своем участии — вечером 14 декабря, Трубецкой, Оболенский, Каховский — 15 декабря. Но все эти сведения собирались без какого-либо определенного плана. Вполне поэтому естественно, что тогда же

¹⁾ „Красный Архив“, т. VI, Б. Е. Сыроечковский „Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г.“.

²⁾ II Отдел. Госархива, № 465, ч. III.

правительство Николая I пришло к мысли о необходимости создать для этого особое учреждение. Вот почему вечером 17 декабря 1825 года открыл свою деятельность „высочайше учрежденный Тайный Комитет для изыскания соучастников возникшего злоумышленного общества“¹⁾. Первоначально в его состав вошли: председатель его — военный министр А. И. Татищев, вел. кн. Михаил Павлович, кн. А. Н. Голицын, ген.-адъютанты Л. В. Голенищев-Кутузов, А. Х. Бенкендорф, В. В. Левашов и в качестве правителя дел А. Д. Боровков. Однако вскоре, именно с 14 января 1826 г. по высочайшей воле этот Комитет перестал именоваться „тайным“, а под конец своей работы — с 29 мая был переименован в Комиссию. Происходили перемены и в его личном составе. В состав Комитета вошли еще: 26 декабря — ген.-адъютант А. Н. Потапов, а 2 января — ген.-адъютанты А. И. Чернышев и И. И. Дибич. Это были главные лица; из второстепенных — отметим состоявшего при вел. кн. Михаиле Павловиче аудитора Попова, причисленного к Комитету 24 декабря; потом с 9 января упоминаются флигель-адъютант А. Ф. Адлерберг, чиновники Ивановский, Вахрушев, Хлудович и др.

С большим рвением принялся за свою деятельность этот Комитет. Всего состоялось 147 заседаний, начиная с 17 декабря 1825 года по 17 июня следующего года: другими словами, он работал ровно полгода. Первое время заседания Комитета происходили ежедневно, по вечерам с 6 часов и кончались около полуночи. Даже в такие дни, как 25 декабря и 1 января — работы не прерывались. Только начиная с февраля в протоколах встречаются правда, сравнительно редкие, записи о том, что на следующий день постановлено заседанию не быть, при чем почти постоянно указываются и причины таких пропусков²⁾. По принятому тогда во всех учреждениях порядку, и в Комитете ежедневно вели журнал, при чем в начале каждого заседания аккуратно записывали, кто из членов Комитета был на заседании, во сколько оно началось, что происходило в нем, а в конце отмечали имена отсутствующих и время окончания заседания.

Первые заседания Комитета (с 17 по 22 декабря) носили, так сказать, организационный характер и происходили в Зимнем дворце. В это время члены Комитета разбирали первоначальные ответы декабристов, данные ими еще до учреждения Комитета, рассматривали письма и бумаги обвиняемых. 20 декабря ген. Левашов представил первоначальные показания Щепина, Рылеева, Трубецкого, и Комитет определил: „Все эти допросы поручить правителю дел, чтобы он сообразил заключающиеся в них обстоятельства, составя проекты вопросов, представил в Комитет“. Эти первоначальные вопросы и были составлены А. Д. Боровковым, который подтверждает это в своих автобиографических записках, которые, однако, как и все мемуарные воспоминания, будучи написаны много позже описываемых событий, не лишены целого ряда неточностей³⁾.

¹⁾ Все главнейшие сведения о деятельности Комитета, поскольку это необходимо для лучшего понимания издаваемых ниже текстов, заимствованы преимущественно из журналов этого Комитета, хранящихся во II Отделении Госархива № 26 и всеподданнейших отчетов — № 25.

²⁾ 6 февраля вследствие разбора бумаг Княжевича; 26, 27, 28 февраля и 1 марта — по случаю отъезда членов Комитета в Царское Село; 3, 4, 5, 6 — по той же причине; 11 марта — потому что Татищев был назначен на дежурство при теле Александра I, 13 марта — причина не обозначена (погребение Александра I); 19 марта — потому что заседание Комитета по случаю предстоящего разлива пришлось временно перенести из Петропавловской крепости в Зимний дворец; 25 марта — „по коммуникации крепости“; 18 апреля — по случаю дня пасхи; 20, 21, 22, 23 мая — по отсутствию надобности новых допросов и очных ставок; 25, 26 мая — причина не обозначена, 30 мая — без указания причины и с 1 по 16 июня — также причины не обозначены. Всего 37 дней.

³⁾ Его записки напечатаны в „Рус. Старине“ 1899 г. №№ 9—12.

Окончив, так сказать, подготовку, Комитет с 23 декабря в помещении коменданта в стенах Петропавловской крепости повел регулярную и планомерную работу; главное внимание его было направлено на допросы обвиняемых.

Но с учреждением Комитета несколько не ослабел личный надзор императора за всем делом декабристов. Разница только заключалась в том, что теперь следствием руководили две инстанции; сам царь и учрежденный им Комитет. После каждого заседания Николаю представляли в письменной форме отчет о заседании ¹⁾, и Николай весьма часто клал на них свои резолюции. Для восстановления исторически правильной картины всего хода следствия над декабристами особо важное значение имеют эти подлинные записки заседаний Комитета.

Еще на первых заседаниях от многих привлеченных Комитетом были получены показания, которые обратили на себя внимание и Комитета и царя. Так, показания Каховского от 18 декабря ²⁾ произвели на Николая сильное впечатление, в результате чего ген. Сукин получил от Николая в тот же день следующее приказание: „Каховского содержать лучше обыкновенного содержания, давать ему чай и прочее, что пожелает, но с должной осторожностью..... Содержание Каховского я принимаю на себя“, — добавляет царь, очевидно, рассчитывая произвести на узника известное, не лишенное определенной цели, впечатление. Александра Бестужева Николай сначала приказал заковать, „ибо по всему вероятно — он убийца штыком графа Милорадовича“; но дальнейшие показания Бестужева вскоре же произвели на Комитет особо подкупающее впечатление; в заседании 26 декабря Комитет предлагает войти перед Николаем с ходатайством, „чтобы капитана Бестужева расковать, сколько во уважение кротости и чистосердечия, каковые он показал при допрашиваниях в Комитете, сколько и для того, чтобы, почувствовав снисхождение, он усугубил искренность и признания“. Почти то же, что произошло с А. Бестужевым, выпало на долю и Е. Оболенскому. Сначала, именно после первого допроса, 15 декабря, относительно Оболенского Николай дал такое распоряжение Сукину: „Оболенского посадить в Алексеевский рavelин под строжайший арест, без всякого сообщения; не мешая усилить наблюдение, чтобы громких разговоров не было между арестантами, буде по месту сие возможно“. Но вскоре уже Комитет занес в свой журнал следующее распоряжение: „Усматривая, что все последние показания кн. Е. Оболенского оказались справедливыми, положили: за такую его откровенность, согласно высочайшей воли, изъясненной в резолюции на письме его, Оболенского, к военному министру, приказать снять с него оковы“.

На первом заседании Комитета в стенах Петропавловской крепости — 23 декабря был подвергнут допросу Трубецкой. Снимая с него показания, Комитет, как иногда бывало и при допросах других лиц, отметил в своем журнале то впечатление, какое на него произвели показания Трубецкого: „в присутствии Комитета — читаем мы в этом журнале, — допрашивая кн. Трубецкой, который на данные ему вопросы, при всем настоянии членов, дал ответы неудовлетворительные. Положили: передпросить его, составя вопросы против замеченных недостатков, неясностей и разноречий“. Об этом „настоянии“ членов Комитета Трубецкой упоминает в приводимом ниже письме его на имя Татищева ³⁾: „На меня взирали (члены Комитета), — пи-

¹⁾ Эти отчеты хранятся во II Отделении Госархива, № 25.

²⁾ Ниже дело Каховского, № 3.

³⁾ Дело Трубецкого, № 6.

шет здесь Трубецкой, — как на ожесточенного в сердце преступника, как на злобного какого изверга. Я видел, что мне ни в чем не хотят верить, и, казалось мне, что единственно ищут уловить меня в чем-либо для большего посрамления меня. Я вышел из присутствия вашего с единственным желанием, чтобы господь бог... скорее прекратил тягостную жизнь мою". Но вскоре, очевидно, по мере сообщения новых данных, Комитету пришлось сделать о Трубецком уже совершенно другое постановление, а именно 27 декабря в журнале отмечено: „Слушали... дополнительное показание Трубецкого с присовокуплением изложения истории общества, различных его отраслей и списка членов, положили: 1) список сообразить со сведениями о тех лицах, кои уже взяты и за коими послано взять и представить; 2) в уважение полного и чистосердечного показания кн. Трубецкого на счет состава и цели общества, позволить ему вести переписку с его женой, на что испросить высочайшее соизволение“, — каковое вскоре и было получено. Уже из этого определения, равно как из следующих постановлений Комитета видно, что в первый период следствия как членов Комитета, так и самого царя весьма интересовала история общества, его цели и намерения. Таковую историю общества дало несколько лиц, и между прочим Н. Муравьев¹⁾, представивший Комитету 8 января 1826 года „историческое обозрение хода Общества“. 9 января Комитет заслушал это донесение Н. Муравьева, а на следующий же день И. И. Дибич довел до сведения председателя Комитета А. И. Татищева: „Государь император желает иметь для прочтения показания Ник. Муравьева“²⁾. Несколькими днями позже подобного рода историческую справку представил и Александр Бестужев³⁾. Написанная ярким образным языком, изобличающим литературный талант автора, она содержит ряд кратких, но метких характеристик главных действующих лиц. В своем заседании 1 февраля Комитет заслушал это „подробное описание Александра Бестужева участию, принимаемому в намерениях Тайного Общества известными ему членами и действиях их в возмущении 14 декабря. Описание замечательно, ибо ясно раскрывает вины многих лиц особенно по возмущению. Положили взять в соображение при окончательном исполнении и пояснении дела“. На этом решении Комитета сделана отметка Николая: „Хочу знать обстоятельнее“.

Из приведенных выше примеров видно, что некоторые из заключенных за свои подробные объяснения получали некоторые льготы. Но бывали, хотя впрочем редкие, случаи совершенно другого характера. Так, напр.: 22 марта Комитет вынес следующее весьма интересное по своим мотивам определение: „Представить государю императору, что столь упорное заперательство Семенова, несмотря на определительные показания и улики и обстоятельство, что он был секретарем всех тайных обществ, в чем он сам сознался барону Штейнгелю, объяснившему о сем с подробностями, не подвергающимися скрыть какую-либо другую тайну, которую опасается как-нибудь обнаружить при сознании в том, в чем его обвиняют. По сей причине и потому, что другие содержащиеся в крепости участники тайного общества за упорство уже закованы, Комитет находит нужным испросить высочайшее его императорского величества⁴⁾ повеление о заковании Семенова с содержанием на хлебе и на воде“.

¹⁾ Дело Н. Муравьева, № 6 б.

²⁾ Дело II Отделения Госархива, № 25.

³⁾ Дело А. Бестужева, № 8.

⁴⁾ Тогда как на содержание отпускали от 50 к. до 1 рубля в день на человека.

зания, сколько и могущею привести его в раскаяние и побудить к чисто-сердечному откровению¹⁾).

Так шла работа Комитета; длинной вереницей проходили перед ним и „северяне“ и „южане“, при чем последние более привлекали к себе внимание членов Комитета. Мало-по-малу стал накапливаться огромный следственный материал, а вместе с тем у Комитета созрела мысль: о каждом допрашиваемом сделать сводку всего материала или, как тогда выражались члены Комитета: „составить записку“ и, кроме того, затребовать сведения из полков. Эта мысль была выдвинута в заседании 29 января. И действительно, такие записки или, как условно мы их называем, „резюме“ составлялись о каждом из обвиняемых. Чем дальше шло дело, тем все более накапливался обширный материал. Почти все главные и второстепенные участники событий 14 декабря к половине марта 1826 года были допрошены по существу: дальнейшие допросы носили характер „дополнительных“. Такое положение в делопроизводстве Комитета совпало с разливом Невы. Опасаясь разлива, Комитет еще 14 марта возбудил надлежащее ходатайство о своем переводе, а уже 18 марта был созван опять в Зимнем дворце. С этого времени вплоть до окончания занятий заседания Комитета происходили то во дворце, то в крепости, в некоторые дни—беспрерывно: днем они начинались в Петропавловской крепости, а вечером продолжались во дворце²⁾.

Журналы Комитета, уступая по своему значению самым следственным делам, печатаемым ниже, тем не менее в некоторых отношениях дополняют их и, дополняя, раскрывают иногда перед нами некоторые подробности плана декабристов, их намерения, их подготовительную работу. Так, 26 марта члены Комитета слушали показания Ал. Бестужева и Рыльева, „спрошенных на счет лейб-гвардии Казачьего полка поручика Сухорукова: в добавление словесных ответов прибавили, что Сухорукова мало видали и по объявлении ему о существовании тайного общества спрашивали только о духе донских казаков, на что он отвечал, что они весьма привержены правительству и любят государя, что и думать нельзя о каком-либо предвзятии“³⁾.

Комитет старался уяснить себе вопрос о том, откуда пошел этот „дух вольномыслия“, какие обстоятельства заставили декабристов объединиться около одной цели и какие сочинения способствовали столь быстрому распространению либеральных идей. Поэтому каждому из привлеченных к следствию между другими вопросами предлагали и следующие: какие сочинения способствовали укоренению в обвиняемом развития свободомыслия. Большинство указывало на разные иностранные сочинения, другие же—на некоторые, правда, немногие—русские. Так А. Бестужев⁴⁾, в числе последних отмечает и некоторые „блестки А. Пушкина стихами“. Это заявление А. Бестужева не стоит однако одиноко. Другой из привлеченных по делу о Южном Обществе, Бестужев-Рюмин в заседании 5 апреля „показал, что вольнодумческие стихи Пушкина в рукописях распространились по всей армии, а между прочим и в Мариупольском гусарском полку, о чем он узнал от конвоировавшего его от Трилес до Белой Церкви офицера сего полка

¹⁾ Дело II Отделения Госархива, № 26, л. 288.

²⁾ Напр., заседания 22 марта, 7, 8 и 10 мая.

³⁾ II Отд. Госархива, дело о Сухорукове, № 136, которое состоит только из вопросов Комитета и собственноручных показаний Рыльева и А. Бестужева. Показаний с самого Сухорукова не было снято.

⁴⁾ Дело А. Бестужева, № 3.

Ракшанина". В показаниях других (напр. Дивова — в заседании 27 марта, Горскина — 7 апреля) упомянуты произведения К. Ф. Рылеева. Следствие подходило к концу; в заседании 19 мая состоялось следующее определение: „По причине, что действия Комитета по произведенному исследованию окончены и что более ни допросов, ни очных ставок в виду не имеется, положили несколько дней заседаний не иметь, дабы дать время канцелярии привести дела в надлежащий порядок, приготовить к прочтению и окончательному заключению записки о каждом находящемся под следствием и переписать доклад для подписания государю императору". В конце заседаний Комитета — 29 мая — все эти сводки или „резюме" были прочтены перед Комитетом, при чем последний решил: „Оные записки вместе с подлинными следственными делами представить на высочайшее благоусмотрение 1 числа наступающего июня месяца". В этом же заседании Комитету пришлось выслушать и привести в исполнение следующее высочайшее повеление: „Из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи". Вот почему в издаваемых ниже делах и нет таких стихов, напр., в деле Рылеева (№ 9) и др.

Теперь следует остановиться на том, как происходили самые допросы, как их фиксировали и как поэтому должны мы относиться к ним. Обычно Комитет допрашивал обвиняемых сначала „изустно", как свидетельствует об этом А. Боровков и как видно из журналов Комитета. Однако ответы их за редким исключением не записывались, но после таких допросов мы встречаем в протоколах фразу, почти сделавшуюся там стереотипной, а именно: „положили дать..... допросные пункты", т.-е. в самый день допроса или несколько позже обвиняемому — порой даже не один раз — посылали эти и дополнительные вопросы в каземат; здесь заключенный составлял на доставленные „пункты" ответы, на этот раз уже в письменной форме. Эти ответы заслушивались Комитетом, при чем последний повторял словесное показание, или что допрашиваемый в своих ответах повторил весьма часто отмечает, сделал какие-либо дополнения. Вот эти-то вопросы, а также показание, или сем и очные ставки составляют главную основу следственного дела. В издаваемых ниже делах можно отметить для примера несколько таких мест, подтверждающих приведенные выше положения. Возьмем хотя бы дело Каховского. В своем ответе на вопросы, предложенные ему Комитетом 3 января 1826 г. ¹⁾, он прямо ссылается на допросы, которым он был подвергнут до этого времени. „В допросах, деланных мне, я объявил, что я не был членом думы и поистине не знаю, с кем она была в сношении", — хотя в предшествующей части дела Каховского об этом ровно ничего не упоминается.

Так, сохранившиеся следственные дела декабристов далеко не представляют той стенографической точности, какую мы привыкли видеть в позднейших отчетах о крупных судебных процессах; первые впечатления, краски и тона в ответах и вопросах — до нас почти совсем не дошли. Но прежде чем перейти к знакомству с ними, вполне уместно будет сделать несколько замечаний по поводу приемов, которыми руководились при этом издании.

При издании каждого дела редакция старалась полно и точно воспроизвести текст оригинала со всеми особенностями его правописания и пунктуации. Текст воспроизводится в том порядке, какой наблюдается и в подлиннике. Лишь там, где имеются слишком большие уклонения от хроно-

¹⁾ Дело Каховского, № 7.

логической последовательности¹⁾, — в издании допущены перестановки²⁾. Далее, в оригиналах, каждый вопросный пункт, всякая очная ставка идут под ряд; в издании для удобства цитации всякий отдельный документ, входящий в состав того или другого следственного дела, снабжен номером, под каким он значится в описи, приложенной в начале дела; короче говоря, — в издание внесены номера описи, предшествующей этим документам. При этом в опись обыкновенное не входят в качестве отдельных номеров последние отделы каждого дела — именно, так называемые „выборки из показаний“ и „резюме“; в издании для удобства и они поставлены под следующим по порядку номерами. В случае, если отдельные документы в подлиннике расположены не в хронологическом порядке, в издании последний восстанавливается, что вызывает соответствующие изменения в *последовательности* старинной нумерации документов³⁾.

В подстрочных примечаниях к тексту следует различать 2 категории: 1) сравнительно незначительное количество примечаний, сделанных самими декабристами на полях или под строкой в оригинале и, 2) примечания редакции, где указываются или слова, зачеркнутые в оригинале, которые по большей части удалось восстановить, или устанавливаются поправки, или оговариваются явные описки подлинника и т. п. Первая категория примечаний отмечена знаком *, вторая — цифровой нумерацией. Слова, подчеркнутые в оригинале чернилами — по большей части имена и фамилии — набраны курсивом; скрепы в конце документов и подписи — в разрядку.

К изданию приложено: 1) описание дел с историко-палеографической стороны, 2) 4 фотографических снимка с автографов: а) С. П. Трубецкого (л. 1), б) Н. Муравьева (л. 6), в) Каховского (л. 55а), г) Рылеева (л. 1) и 3) указатель имен.

Следует сделать еще одну оговорку. В течение 1924 г., когда настоящий том был уже набран, все дела декабристов, хранящиеся во II Отделении Госархива, подверглись новой нумерации по листам; но, во избежание излишнего усложнения работы, ввести ее в текст не удалось.

А. ПОКРОВСКИЙ

¹⁾ Напр., дело Щепина-Ростовского.

²⁾ О чем см. приложение.

³⁾ Напр. начальные документы из дела Трубецкого в издании пришлось расположить в порядке: 1, 3, 2 на том основании, что № 3 был написан Трубецким 15 декабря, а № 2 — как направленный уже на имя Комитета — не ранее 17 декабря.